

Самолеты моря Бисмарка

Рэки Второй мировой

Олег Карцев **I** фото автора и Andre Crone

После первой поездки Папуа-Новая Гвинея манила все больше и больше. Спустя более чем полтора года созрел еще более дерзкий план пробраться на самый край света, в Океанию, где и места не хоженные и туристами не пахнет. Через полгода подготовки Папуа сдалась во второй раз. Первый раз нам удалось получить визы под нажимом Федерации Подводного спорта Папуа-Новой Гвинеи, которая всячески лоббировала возможность страждущих аквалангистов пробраться в эту непроходимую страну.

Второй раз затея с Федерацией провалилась, и визу получали по большой протекции и личному знакомству через посла Австралии. Другими словами, в страну, которая абсолютно не заинтересована в тури-

стах, удалось попасть во второй раз. Не пустили через дверь — мы влезли в окно. Местом нашего посещения был выбран далекий остров Новая Ирландия в восьмистах морских милях от побережья Папуа-Новой Гвинеи, а именно Кавьенг.

Во времена японской оккупации Кавьенг представлял собой место, куда прибывали грузы и корабли с главной тихоокеанской морской базы Японии — атолла Трук. Далее они попадали в Рабаул. Подводные лодки и самолеты не приходили своим ходом. Они доставлялись в Кавьенг морем карго, далее выгружались в Рабауле, если надо — собирались и отправлялись в мясорубку военных сражений на Соломоновы острова в район Гуадалканала и к побере-

жью Папуа в район Алотау и Морсби — плацдармов для вторжения в Австралию. Тем, кто знаком с историей Второй мировой войны только по нашим школьным учебникам, эти названия мало что говорят. Оказывается, кроме Великой Отечественной войны по миру бушевали очаги не менее масштабные. Здесь в забытых Богом уголках Тихого океана бушевали побоища местного морского Сталинграда. Вот именно в эти места мы и отправились.

Наш самолет приземлялся в столичном аэропорту Папуа-Новой Гвинеи в Порт-Морсби рано-рано утром. За окном иллюминатора самолета, набитого живописными кучерявыми папуасами, летящими с нами из Манилы, мимо пронеслись высо-

кие сопки, покрытые буйной растительностью. Слева серебром сверкало зеркало Кораллового моря в лучах розового восходящего солнца.

Один особо кровожадного вида папуас так и пялился на одного из наших самых вкусных, Юру Чуркина. Отличная, вполне упитанная жертва, к тому же везущая с собой, по местным меркам, целое состояние американской валюты, - папуасу хватило бы веселиться всей деревней несколько лет, ни в чем себе не отказывая. К тому же папуас был втрое, а может, и вчетверо крупнее нашего земляка. Юра ежился под заинтересованным взглядом, в его намерения входило не столько быть съеденным, сколько просто пофотографироваться. В общем, между охотником и до-

бычей состоялась некая невербальная связь, которая возникает между львом и зеброй, котом и мышью.

Самолет коснулся колесами взлетно-посадочной полосы и покатился по направлению к зданию международного аэропорта страны-папуасии. Юру папуасы не съели, видимо, заприметив многочисленный состав нашей группы, среди которой выделялся не менее впечатляющими формами настоящий белорус - Юра Вислоус. Да и оба Андрея явно ввели папуасов в замешательство - может быть, стоит выбрать кого покрупнее Чуркина.

Паспортный контроль мы проделали по-спринтерски быстро, поскольку я собрал все паспорта, а вот с таможенным явно зависли. Папуасы «шмонали» с пристрастием всех подряд и делали это весьма медленно и нерасторопно. Перефразируя белорусскую поговорку про толстых партизан: чем более дикая страна, тем злее таможенники. Папуасы смастерили в аэропорту какую-то адскую машину зверских размеров, которая просвечивает багаж, и в дополнение шарили черными кровожадными ручонками по сумкам вручную.

Нашим сумкам досталось несильно. Трусили в основном филиппинцев. Действительно, а вдруг один филиппинец везет в чемодане другого филиппинца. Папуасы впали в блаженное состояние непонимания, когда обнаружили в нашем багаже неизвестные предметы явно космического происхождения для дайвинга и огромные фонарики неизвестной конструкции и назначения.

Из интернационального терминала мы с тележками угодили в местный терминал, где снова сдали багаж, включая удочки для рыбалки. На плече у одного из папуасов я увидел странное рыжее домашнее животное - ручного опоссума-кускуса размером с овчарку и с очень длинным пушистым хвостом. Странно, что у нас в Белоруссии овчарок на плече никто не додумался возить.

Дождавшись через полтора часа своего самолета, мы встали в очередь на посадку. Как только открыли ворота гейта, нас растолкали папуасы. Манерами местное население больше смахивает на школьников. У нас так даже в очередях за колбасой не принято. У папуасов закон про «тапки» действует везде. Потолкавшись у двери, пробились к по-

рэк-клуб

садке и сели в канадский самолет с многозначительным названием «Бомбардир». Надеюсь, нас не катапультируют в полете через бомбардировочные люки.

Местный путь в Кавьенг пролетели за 3 часа 15 минут с остановкой на острове Манус. Папуасы зачем-то венки с собой в ручной клади везут. Затейники. Пересекли Папуа поперек с юга на север, ничего, кроме туч, не увидав, и приземлились на Манусе. Вышли из самолета, потоптались и снова в полет, на остров Новая Ирландия. Справа — черная грозовая туча, слева — ослепительное солнце и сверкает море Бисмарка.

Снова приземлились. Папуасы вытаскивают венки. Надеюсь, не нам? Выходим из самолета в маленьком аэропорту Кавьенга, больше похожем на курятник. Ждем багаж. Из грузового отделения вытаскивают настоящий гроб. Папуасы с венками быстро куда-то смылись. Нашего багажа нет. Поймал сотрудника этого заведения и спрашиваю, а где, собственно, наш багаж на 10 человек? Папуасы сбегали куда-то, позвонили и сказали, что в Морсби увлеклись гробом и забыли наш багаж погрузить в самолет.

Делать нечего. Наш сегодняшний чек-дайв пропал. Понырять не удастся как минимум сегодня. Снаряга с собой только у одного Андрея Шибаева в ручной клади. Выходим из аэропорта, где нас на микро-мини-автобусе встречает мой приятель по Тавали, Энге.

Нас погрузили на большой катер и повезли на небольшой островок **Лиссенунг** (Lissenung), где нам предстояло жить и нырять следующие пять дней. Через двадцать минут полета по глади пролива Кавьенга мы причалили к заграничным владениям австрийца Дитмара.

Эти места были до Первой мировой немецкой колонией, и герр Дитмар чувствует себя абсолютно у себя дома. «Несправедливо отобранные земли». Выучил папуасский язык «пиджн инглиш» и построил экологический отель, куда стремятся попасть дайверы всего мира.

Дитмар давно стал легендой, немного не дотягивая до авторитета другого австрийца, Ханса Хасса. Мы знакомы заочно много лет по публикациям в немецком журнале

Таисhел. Абориген и первооткрыватель мест, где европеец жить практически не может и не должен, — Дитмар не пропускает ни одной крупной дайверской выставки в Лондоне и Германии, прожил среди папуасов 16 лет и построил на небольшом острове в море Бисмарка, можно сказать без единого гвоздя, уютный дайверский отельчик в местном коло-

гостеприимный стол хозяина, где «от пуза» пообедали и выпили знатно-го папуасского пивка «South Pacific». Потом мы расселились по просторным домикам «на курьих ножках» в папуасском стиле. Здесь есть все, и все очень уютно спланировано.

На остров позвонили, что в пять часов вечера прибывает еще один самолет из Порт-Морсби и нам привезут

ритном стиле, зачем-то проведя сюда интернет и мобильную связь.

Несколько лет подряд остров Лиссенунг робинзона Дитмара признавался швейцарскими и немецкими дайв-операторами лучшим экологическим курортом. На отдельно взятой земле Дитмар создал свой собственный рейх, где живут его жена немка Анжелика, работает японка Назаки, три верных пса, а прислуживают им папуасы.

Пристань, как таковая, на острове практически отсутствует. Тишина такая, что на Лиссенунге я почувствовал себя оглохшим. Внешне трудно даже заметить, что на острове кто-либо живет. Никаких признаков жизни. Все окружено плотной, казалось бы, непроходимой растительностью. Сразу с катера мы угодили за

наш багаж. Я взял с собой для компании Энге и Андрея Алтухова, и мы на том же катере отправились обратно в Кавьенг. Приплыли в Кавьенг, сели на микроавтобус, отправились встречать наш самолет. И вот он прилетает. Заходит на посадку. Тормозит. И снова выносят гроб... Ну вот, думаю, снова наш багаж не прилетел. Потом, смотрю, выносят сумки с нашим снаряжением. Как говорится, не видно повода не выпить по этому случаю. Поехали обратно на свой остров. Как раз попали к ужину. В дайвинг-центр забросили свою снарягу. Развесили и расположили все так, чтобы стафф все быстро нашел и собрал для погружений.

Папуасское утро на острове, размером меньше школьного футбольного поля, началось с лая собак, ох-

Американцы давали японским самолетам человеческие имена. К *Mitsubishi F1M2* приклеилась кличка *Pete*.

ранявших нас от залетных папуасов. Нарубавшись испанского омлета, мы погрузились на десятиместный катер с романтическим названием «Andiamo» и двумя моторами Suzuki по 140 сил. Чек-дайв предстояло проходить в боевых условиях, сразу ныряя на реальном дайвсайте, до которого еще предстояло добраться.

Две дамы из нашей группы решили приболеть и остались на острове, а все остальные дружно погрузились

на катер и по бирюзовым заливам — по протокам отправились нырять в ту часть пролива Кавьенга, которая выходит на море Бисмарка.

Минут через 30 мы уже погрузились в пучину Тихого океана, оказавшись в полете над великолепной подводной стеной, уходящей в бездну. Место называлось Альбатрос Пассаж. Первый день нашего дайвинга пришелся на молодой месяц, и мы попали в легкое течение. Народ устремился на глубину, а на Кавьенге все самое интересное – на небольших глубинах. Течение проносило мимо коралловой стены. На глубине метров 10-15 стояли огромные косяки разноцветных рыб, стаи барракуд и косяки луцианов. Спустя минут 15 подводный рельеф изменился и образовался подводный канал. Собственно, это и есть сам пассаж. А там, где канал, подводные течения усиливаются, как в аэродинамической трубе. Лучше места для акул просто не найти. Для этого нужно было оторваться от рифа и улететь в синеву, где ходуном ходили штук семь серых рифовых акул. Кто хотел - посмотрел, кто не хотел – смотрел кино не такое интересное, по собственному маршруту. Вскоре рельеф изменился снова, возникло восходящее течение — и снова большая стая барракуд. Воздух подходит к концу. Поднялись повыше, и тут начался настоящий дрифт. На Папуа самые сильные течения - поверхностные. Нас подхватил подводный ветер бога Нептуна и понес над песчаными отмелями с

шишколобыми рыбами-попугаями вовнутрь мелкого рифа.

Первый день удался. Мы вернулись на наш остров, сидя на баке белоснежного катера, натужно ревущего двумя сбалансированными моторами. Вечером Дитмар нас решил побаловать громадными лобстерами.

Затем нас ждала культурно-историческая программа подводных погружений, ради которых, собственно, и было интересно посетить Кавьенг — бывшую морскую японскую базу. А именно — предстояло погрузиться за день на четыре военных самолета.

Биплан Mitsubishi F1M2

Зная по опыту нырявших здесь и понимая всю сложность задачи найти эти самолеты, я пригласил к нам на катер самого Дитмара для поиска японского поплавкового разведчика биплана *Mitsubishi F1M2*. Такие чудаки, как мы, в этих местах появляются нечасто, а когда приезжают, иногда не находят места крушения биплана.

Этот самолет был сбит на взлете у береговой батареи, чьи огромные турельные орудия прятались в лесу. Погружения на него стартовали с апреля 2004 года, когда он был найден.

Американцы имели привычку называть японские самолеты человеческими именами, и к этому самолету приклеилась кличка *Pete*. Данные самолеты использовались японцами как корабельный самолет-разведчик. Конструкционно он напоминал наш «кукурузник», оснащенный системой из трех поплавков, позволяющих базироваться на воде и использоваться в качестве корабельного самолета на авианосцах и даже с крейсеров и линкоров. Требовалось только спустить его на воду, откуда он взлетал.

Всего было выпущено 1118 таких самолетов, и на вооружении морской авиации флота Микадо он находился с начала и до конца войны. Самолет выпускался двухместным и использовался повсеместно в качестве корректировщика корабельного огня, высотного разведчика, легкого бомбардировщика, несшего до 120 кг бомбовой нагрузки, и для охоты за подводными лодками противника.

В свое время Кавьенг был захвачен

японцами, точнее, прихвачен, без какого-либо сопротивления через 6 недель после нападения на Перл Харбор, и был важнейшим стратегическим узлом, где господство продолжалось вплоть до 1944 года, когда американцы поняли, что им не взять укрепленный подземными крепостями Рабаул и намного проще перерезать пути снабжения огромной важнейшей японской военной базы нападением на транзитные терминалы Кавьенга, который был менее укреплен и подготовлен к отражению атак с моря, а не с воздуха.

Искать вызвался сам Дитмар. Вышли на примерное место. Пока мы сидели в снаряге на борту катамарана «Andiamo», герр несколько раз плю-

Это был первый их четырех самолетов, которые мы посетили за один день. Глубина была приличной, самолетик маленький, и мы успели только пофотографировать, как дайв-компьютеры взбесились, и мы минут через 20 поднялись на судно.

Американская «Каталина»

Через час перерыва — второе погружение, и снова на самолет. Место крушения находится в 10 минутах от биплана. Разбился этот самолет намного раньше, чем *Pete*, 15 января 1942 года. В тот день 6 морских разведчиков амфибий *Catalina* возвращались после разведочного налета

Японски биплан Mitsubishi F1M2

хался в воду, пока не показал знаком, куда нырять. Сваливаемся в кристально чистую воду и падаем камнем один за другим на 33 метра глубины, где в золотое песчаное дно лежит, уткнувшись носом, один из самых известных рэков мира. Военных бипланов *Mitsubishi F1M2* под водой известно всего два, и оба лежат в водах Океании. Наш Pete сохранился лучше.

Делаем несколько кругов над маленьким самолетом. Под верхним крылом биплана поселилось целое облако стеклянных рыбок, среди которых живописно парят с десяток пастухов — ядовитых скорпен-крылаток. Невероятно красивый рэк ярко освещен солнцем и весь играет зайчиками света.

на японскую базу на атолл Чуук (тогда он назывался Трук). Тогда Кавьенг был в руках австралийцев. При посадке к северу от острова Nusa последний, шестой, самолет группы *PBY Catalina A24-11* при приземлении на воду взорвался. Погиб весь экипаж австралийских пилотов, состоявший из 7 человек и пассажира.

Прыгаем в воду. Сильное течение. Глубина метров 19. Взрывом десятитонный самолет раскидало по дну. Тридцатиметровые крылья лежат отдельно. Два мотора *Pratt& Whitney* отдельно. На грунте разбросаны гильзы. На таком же самолете в свое время разбился Филипп Кусто. Поднимаемся после двадцати минут на корабль и стартуем к третьему месту нашего марафона по самолетам.

Японский самолетразведчик Aichi E13A

Подходим на катере к самому Кавьенгу. Именно здесь под пальмами у берега в защищенной тихой лагуне находился аэродром гидросамолетов. Здесь базировались легкие трехместные разведчики Aichi E13A.

Фактурное чудо, которое мы встретили под водой, американцы называли Jake. Грозная маленькая одиннадцатиметровая машина была расстреляна и потоплена налетом американских бомбардировщиков B-25 Mitchell.

Необходимость прикрытия морских конвоев вдали от своих баз заставила японцев уделить особое внимание самолетам-разведчикам. Именно та-

кая база находилась и была расстреляна американцами у Кавьенга.

Обходим вокруг потопленного Jake. В лагуне муть неимоверная. В кабину японских самолетов влезать всегда тесновато. А я, наверное, обнырял добрую половину японских крылатых машин. Пулемет стрелка кто-то уже открутил. Наверно, сняли сами японцы. Самолет расположился у самого берега на 6 метрах глубины. Оба поплавка и нос самолета закопались в бугор на дне. Гдето рядом, метрах в ста, притаился еще один такой же гидросамолет, только двухместный. (На него мы на этот раз не пошли. Видимость не та в это время.)

Такие самолеты у японцев служили корабельными разведчиками, ко-

торые могли «висеть» в воздухе по 15 часов, и встречались повсеместно, где появлялся японский флот. Благодаря небольшому размеру *Jake* запускались с катапульты, приземлялись у кораблей на поплавки и поднимались краном.

В конце войны они использовались, в том числе, и героями-ками-кадзе, а самые последние модифи-кации E13A1b оборудовались радиолокатором и магнитодетектором для обнаружения подводных лодок.

Двадцать минут ходу — и мы уже обедаем на острове Дитмара. Снова на катер, и наш путь лежит на четвертый за день самолет. Такие подводные марафоны по самолетам возможны только здесь, в Кавьенге.

Американский бомбардировщик B-25 Mitchell

Наш путь - к одному из сбитых 15 февраля 1944 года японцами *B-25* Mitchell. В этот день в округе Кавьенга произошли самые ожесточенные побоища с самыми большими потерями с обеих сторон. Американские бомбардировщики совершили дерзкий налет на порт Кавьенга, уничтожили часть японской флотилии военных самолетов, взорвали склады и крепко пострадали сами. Особенно вторая волна американских атакующих самолетов. Наш самолет был сбит зенитным огнем и. окутанный шлейфом дыма, рухнул у берега в паре километров от японской базы.

Глубина погружения — метров 12. Энге еле нашел самолет в страшной донной мути. Огромные алюминиевые плоскости крыльев. Кабина штурмана всмятку. Нос самолета ударом свернуло вправо. Удивляют технологии тех лет — и японские, и американские самолеты — цельнометаллические, сделанные из алюминия. Клепочка к клепочке. Как современные лайнеры.

Подходим к двухкилевому хвосту «Митчелла». Нахожу пулемет «Браунинг», поднять который с аквалангом оказалось ужасно тяжело. Он все время падал вместе с аквалангистом. *Mitchell* — самолет огромный. Как целая эскадрилья таких бомбардировщиков поместилась и стартовала с авианосца «Хорнет» для первой бомбардировки Токио в свое время?

Экипаж этого самолета был спасен летающей лодкой *Arkansas Traveler*. Чем отличались морские налеты

американцев от японских? Японцев никто специально не спасал, и большое количество опытнейших морских летчиков банально гибло в море. Американцев же всегда сопровождали гидропланы — собирать личный состав.

Тендер Sanko Maru

Утром мы погрузились на катамаран «Andiamo», взяли с собой кровожадного Энге и отправились из Кавьенга на обратную сторону острова Новый Ганновер, где нас ждали встреча с потопленным «Митчеллами» огромным тендером Sanko Maru и погружение на подводную лодку.

До цели погружения мы бодро тряслись по волнам часа четыре, то входя в какие-то проливы, то вылетая в открытый океан. Проходя у берега, все время безнадежно всматривались в мангровые заросли в поисках морских крокодилов, которые в свое время съели Рокфеллера, жаркое из которого долго приписывали папуасам. Горючего на такой поход пришлось ни много ни мало, 400 литров бензина на «туда и обратно» на два мотора Suzuki. Сидели кто где. Кто внутри под крышей, кто на баке или крыше. Хороший кораблик у Дитмара.

Наконец мы прибыли к группе небольших островов рядом с Новым Ганновером, где 16 февраля 1944 года под градом авиабомб, обрушившихся с «Митчеллов» 499-го авиаэскадрона, ушел под воду японский сухой док и судно сопровождения подводных лодок — огромный *Sanko*

Maru (водоизмещение 5461 т) с грузом запчастей, перископов и прочего. В чреве монстр переносил несколько минисубмарин *Туре С*.

«Вяжем» катамаран к корпусу огромного поверженного корабля, длина которого, по моему прикиду, метров 200. Судно лежит на правом боку. Кормовая часть, покрытая колышащимися разноцветными мягкими кораллами, приподнята, а нос исчезает в далекой бездне.

Уходим под воду. Видимость в пределах 15 метров. Идем над огромным телом гиганта. Ныряем в гигантский пролом, оставшийся после невероятного взрыва, разорвавшего сталь монстра. Кругом ходят косяки крупной рыбы. Рыболовами в этих местах не пахнет. Море в этих краях почти пустынное. Папуасы так далеко в открытый океан на своих пирогах не суются.

По песчаному дну от корабля тянется труднообъяснимая подсказка... цепь. Энге бодро рванул в этом направлении. Здесь он второй раз. По пути встречаю много невиданной мною ранее рыбы, которая встречается исключительно только в этой части Мирового океана, но орошо знакома по фотографиям в журналах.

Десяток взмахов ласт, и мы натыкаемся на... подводную лодку. Я уже погружался на японские подводные лодки, но эта просто какаято невероятная малютка. За мной следует офицер-подводник Юра Чуркин. Нас, офицеров, как и разведчиков, бывших не бывает.

Юра в восторге. Настоящая подводная лодка сидит на ровном киле. Абсолютно целая, без каких-либо видимых повреждений. Ее двухместные предшественницы *Туре А* атаковали Перл Харбор, а единственный выживший член экипажа минисубмарины в 1941 году стал первым японским военнопленным.

На Мадагаскаре минисубмарины потопили огромный транспорт *British Loyality* и чуть не изменили ход истории в Тихом океане — одна из них атаковала крейсер *Boys*, на котором находился командующий тихоокеанским флотом адмирал Макартур, но попала под форштевень соседнего американского эсминца *Taylor*.

Американский бомбардировщик B-25 Mitchell

Перед нами во всей своей красе предстала минисубмарина *Туре С*. Два торпедных аппарата лодки пусты. (Обычно в боеготовом состоянии из корпуса торчат две головы торпед.) Экипаж нашей подлодки был увеличен до трех человек, но под воду она ушла пустая и одинокая с открытым люком. Японских подводников на борту не оказалось.

Именно таких подлодок было выпущено всего 70 единиц. Радиус действия их составлял 650 км при движении в надводном положении и 220 — пол водой.

После налета первой волны американского 499-го авиаэскадрона, когда Sanko Maru горел и был окутан облаком дыма, летчики не смогли рассмотреть, что случилось с подводной лодкой, спущенной на воду, но на всякий случай доложили, что потопили. На следующий день несущий корабль ушел под воду. Разлившееся масло и мазут еще вовсю горели, а на волнах качался маленький подводный кораблик. Уцелевший экипаж Sanko Maru и несколько экипажей подводников благополучно добрались до соседнего острова, плыть до которого было меньше полутора километров, и были эвакуированы в Кавьенг. Брошенная подводная лодка, привязанная канатом и цепью к тендеру, со временем набрала воды и тихо утонула, как собачка на привязи возле погибшего хозяина.

Под водой мы обошли двадцатиметровое судно со всех сторон. Заглянули в люк. Отодвинули. Крепление проржавело, и крышка люка свалилась на песок. Пришлось напрячься поболее, чем с пулеметом на самолете, и надуть жилет, пока с Юриной помощью не взгромоздили люк обратно на место. Как внутрь забирались японцы и насколько худенькими они были — для меня большая загадка. Не хотел бы я быть подводником. А вот Юра был. Но и он со своими «миниатюрными» размерами по плечам застрял бы.

Я слазил вовнутрь трубы торпедного аппарата. Японские 610-мм торпеды с массой 500 кг были в те времена самыми огромными, имели дальность хода 32 км и скорость 42 узла. (Трудно себе представить размах японской конструкторской мысли тех времен и реальный потенциал тихоокеанской военной сверхдержавы!) Два таких монстра устанавливались в стволы субмарины.

Сфотографировать всю подлодку из-за слабой видимости оказалось практически невозможно. Дайверы наши разбежались, а у Юры с Мариной запасы воздуха подходили к резерву. Я нашел трос, ведущий к Sanko Maru, и по нему мы вернулись к огромному кораблю.

У меня было большое желание пройти по трюмам корабля-гиганта не в одиночестве, а с другими дайверами. Но, увы, кто не плывет рядом с

инструктором, не видет ничего. К тому же и у наших Андреев, и у Чуркиных запасы воздуха уже были на исходе. Зато я поймал Юру Вислоуса и, взяв за руку, потащил насквозь через руины огромного тендера.

Корабль стал пристанищем для невероятного количества рыбы. Колоссальной силы взрыв, вероятно, именно торпед к подлодкам, разорвал Sanko Maru, как Тузик машкины трусы. С Юрой мы пробрались по темным казематам и огромным трюмам, освещенным лишь врывающимися лучами папуасского солноссального солноссального

ца. Обнырять корабль, по большому счету, нужно было бы еще пару раз, найти другие подлодки и торпеды, сходить в двигательный отсек... но, видимо, исследовать тело мертвого гиганта получится у меня как-нибудь в следующий раз. Такого размера гигантские корабли обеспечения я встречал только на атолле Трук.

Погода заметно портилась, и надо было возвращаться домой. Гдето со стороны Антарктиды подходила буря, намечался шторм в откры-

том океане, и о втором погружении не могло быть и речи. Я промолчал, ничего не сказав остальным. Просто завели мотор и поспешили убираться восвояси.

Через час хода наш катер вошел в пролив. Слева от нас находился маленький папуасский остров, куда мне взбрело в голову высадиться прогуляться. Шторм штормом, а на твердой земле поприятнее. Энге с капитаном сияли от счастья, предвкушая возможность затариться галлюциногенными финиками.

Причаливаем... Я всегда удивлялся количеству детей у папуасов. Я не верю их официальной статистике. Просто их невозможно пересчитать. Папуасов наверняка не меньше, чем китайцев в Китае. Кормить семью не надо, они сами себе все нарвут и поймают в лесу... Не поверите, в джунглях отовсюду выходят маленькие папуасы. На остров, на который мы попали, шагу нельзя ступить, не толкнув ребенка.

Одна радиостанция осталась у капитана на корабле, вторая — у меня (на всякий случай). Энге идет впе-

реди. Следом мы с фотоаппаратами. Маленькие дети от ужаса плачут, увидев наши неприлично белые лица. Толпа папуасиков огромной живой кучей следует за нами. Дикие любопытные добрые глаза отовсюду. Дети таращатся на наши одежды.

Собралась огромная толпа. Мы держимся вместе. Мало ли что. Делаем фотографии, показываем детям их портреты на камере. Ребятишки в полном восторге. Я не в курсе, возможно, у них и электричества нет.

Пробираемся по тропинке за местной туземкой-активисткой. Нас провели вокруг небольшого острова, где живет это островное племя. На острове живет диковинная птица-носорог, которая важно бродит по острову. Клюв — размером с рог горного козла. Местные соорудили ей небольшой домик, и чудо-монстр, погуляв, туда забрался.

Детишкам мы раздарили все, что только было с собой. Заколки. Резиночки. Бутылки с каким-то мыльным спреем. У Лены нашлись какие-то конфеты. Я оторвал от снаряжения свисток. Ребенок туда дунул — свисток засвистел, дети в ужасе расплакались. Абсолютно дикие ребятишки, к которым прилетели космонавты. Вероятно, многие белых видели

первый раз. Тем более белорусов. Хотя какая им разница?

Далее мы решили все проблемы с нехваткой фруктов на острове Дитмара. Причем таким образом, которого я не ожидал. У папуасов в лесу на деревьях растут огромные апельсинищи размером с арбуз, которые называются «помело». Я видел их мелкие подобия на базаре на Комаровке, но чтобы таких размеров! Если «это» упадет, может убить папуаса. Раньше я считал, что помело это некий адский гибрид грейпфрута с овцой Долли. Оказалось, нет. Энге поговорил с местными, и детишки нарвали нам этих арбузищ прямо с деревьев. К тому времени мы обогнули весь остров и вернулись к месту стоянки катера.

Маленькие папуасы построились в огромную очередь в жажде вручить нам свой помело или огромную спелую папайю. Обидеть детишек мы не могли, тем более что уже выступили в роли галактических пришельцев. Мы скупили огромный 50-килограммовый мешок помело, распихали на корабле везде, где возможно, папайю. Раздали детям и старейшинам-аксакалам все деньги, что у нас с собой были. (А были они только у харьковского Вити Урыва-

ева. По-моему, долларов 15, из которых десятка ушла за фрукты. Энге с капитаном выпросили последние 5 и накупили чудо-фиников — пожевать и похохотать обратную дорогу, если бензина хватит.)

С островом прощались тепло и радушно. Как Терешкова с Гагариным! Как Белка со Стрелкой! Дети вывалили со всего острова и махали нам руками, а Юра Чуркин был готов всех их в качестве живых экспонатов забрать к себе домой, на родину Миклухо-Маклая.

Дорога на остров Дитмара была веселой и без галлюциногенных фиников. (Нашим они по вкусу не пришлись. Горькие, вяжущие, язык немеет, хочется пить и плеваться.) Зато мы попали на океанский прилив. Проскочили полосу дождя и, сидя на носу катера, хохотали от случившегося аттракциона. Волны поднимались метра по четыре, и катер швыряло на каждой волне. На скорости он взлетал в воздух, а потом падал в водяные ямы. Держатья было не за что, кроме лобового стекла. Обратно в кабину пробраться было еще сложнее, чем усидеть. Поэтому и весело. В пасть к морским крокодилам никто не свалился, и это уже было достижение!

Под вечер мы, уставшие и впечатленные (кто чем!), прибыли на остров и объелись фруктов. Здесь фрукты добываются, а не покупаются в магазине!

Отныряв еще один день, покатавшись на настоящей выдолбленой пироге, мы уезжали с Кавьенга на Большую Землю на Алотау для продолжения нашей второй экспедиции. Дитмар всех удивил лобстерами, крабами и концертом местного племени. У огромного костра под барабан плясали папуасские мальчики в перьях, а за задницы их кусали три здоровенных пса, которым очень не нравились то ли их наряды, то ли танец.

Утром самолет взял курс на Рабаул, где у японцев была ставка главных сил морского базирования и крепость, выдолбленная в скале, не взятая союзниками до самой капитуляции. А оттуда после короткой посадки мы вылетели в Гурни, бывший военный аэродром Алотау. Дорог у папуасов нет. Только самолетом!